

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ

31 августа 1983 г. в столице МНР г. Улан-Баторе состоялся первый советско-монгольский этнографический симпозиум. Он был проведен в соответствии с рабочим планом научного сотрудничества между АН СССР (Ин-т этнографии АН СССР) и АН МНР (Ин-т истории АН МНР) и был приурочен ко времени работы комплексной Советско-монгольской историко-культурной экспедиции, прежде всего ее этнографического отряда.

На симпозиуме были заслушаны 21 доклад и сообщение, в том числе 7 советских и 14 монгольских. Выступавшие представляли Институты этнографии и востоковедения АН СССР, Институт общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР, Институты истории и общей и экспериментальной биологии АН МНР, Монгольского государственного университета.

Открывая симпозиум, вице-президент АН МНР, директор Института истории АН МНР акад. Ш. Нацагдорж подчеркнул, что цели совместной деятельности советских и монгольских этнографов четко определены подписанным в Москве договором между АН МНР и АН СССР, а также между Институтом истории АН МНР и Институтом этнографии АН СССР. Особо была отмечена успешная совместная полевая работа монгольских и советских этнографов в текущем году в Убсунурском аймаке. В заключение Ш. Нацагдорж пожелал всем участникам симпозиума новых научных достижений.

Симпозиум открылся докладом С. Бадамхатана (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР) «Актуальные задачи этнографических исследований в МНР». Этнография как наука, сказал докладчик, начала формироваться в Монголии уже после победы народной революции и образования республики. Если первоначально исследователи старшего поколения изучали исключительно традиционное хозяйство и культуру, то позднее, особенно после 1940 г., когда страна вступила на путь строительства основ социализма, они обратились к проблемам, имеющим важное практическое значение: рациональные способы ведения хозяйства, формы объединения айратских хозяйств и т. д. Несомненным вкладом в этнографическую науку явились исследования монгольских ученых о месте и роли монгольской кочевой цивилизации в истории Центральной Азии. Начиная с 60-х гг., этнографы МНР систематически изучали различные народности и этнографические группы страны, а с 70-х гг. — такие важные проблемы, как формирование монгольской социалистической нации, нового быта аратов и городского населения. Выросли новые кадры этнографов, причем многие из них подготовлены кафедрами этнографии МГУ и ЛГУ. Докладчик считает особенно актуальными в настоящее время проблемы изучения этнической истории монголов и современных этнокультурных процессов у народов МНР. В этом плане перспективны совместные монголо-советские этнографические исследования, проводимые в рамках советско-монгольского научного сотрудничества.

А. М. Решетов (Ленинград, Ин-т этнографии АН СССР) проанализировал этно-демографическую ситуацию в Монголии в первой четверти XX в. По данным И. М. Майского, сказал докладчик, к началу 20-х гг. XX в. все население Монголии составляло 647,5 тыс. чел., в том числе коренные народы монголо- и тюркоязычные — 542,5 тыс. чел., китайцы — 100 тыс. чел. и русские — 5 тыс. чел. Для монгольских народов в лингвистическом отношении характерной была ситуация взаимопонимаемости, в социально-экономическом — сохранение племенной структуры и феодальных отношений. Последнее, как и существовавшее в тот период административно-территориальное деление, сдерживали процессы этнической консолидации и этнокультурные процессы. Определенное влияние на этно-демографическую структуру общества оказывала также ламаистская религия. По мнению А. М. Решетова, к началу XX в. народы Монголии по уровню этнического развития представляли собой этносы феодальной эпохи, однако в политическом отношении, как и все народы слаборазвитых стран Востока эпохи империализма, они являлись нациями. Именно о такой ситуации писал В. И. Ленин: «...освобождение колоний есть не что иное, как самоопределение наций. Европейцы часто забывают, что колониальные народы *тоже* нации, но терпеть такой „забывчивость“ значит терпеть шовинизм»².

¹ Подробнее см. в этом же номере: Решетов А. М. Коротко об экспедиции, с. 161—162.

² Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 30, с. 116.

Вопросы формирования национального самосознания в монгольском обществе в XIX в. были рассмотрены в докладе Л. П. Поповой (Москва, Ин-т востоковедения АН СССР). Эти новые социальные процессы докладчица связывает прежде всего с конкретной социально-экономической и политической ситуацией, сложившейся в стране в рассматриваемый период: развитием товарно-денежных отношений и усилением торговой деятельности монгольского населения, повышением роли поселений городского типа и городского населения в хозяйственной и общественной жизни страны. Факторами, ускорявшими процесс становления национального самосознания монголов при недостаточно развитых экономических отношениях, были господство иноземной маньчжуро-китайской Цинской династии и выступления против него монгольского народа. В этом процессе можно выделить два основных этапа: первый — первая половина XIX в. — характеризовался повышением роли монгольского языка в обществе (попытки введения монгольского языка как предмета в духовных школах, требования перевода религиозных сочинений с тибетского языка на монгольский и т. д.); второй — середина — вторая половина XIX в. — был связан с пропагандой через литературу идеи национальной консолидации; и, наконец, третий — конец XIX — начало XX в. — связан с осознанием необходимости национального освобождения и пропагандой идеи возрождения суверенного монгольского национального государства.

Ряд докладов был посвящен палеоантропологии и этногенезу древних и современных народов Монголии.

Д. Тумэн (Улан-Батор, Ин-т общей и экспериментальной биологии АН МНР) рассмотрела некоторые результаты палеоантропологических исследований в МНР. С середины 70-х гг. благодаря большой работе комплексной Советско-монгольской историко-культурной экспедиции появилась возможность изучения палеоантропологического материала с территории МНР по единому, принятому в современной антропологии, плану и систематизировать эти данные в хронологическом и сравнительном аспектах. Палеоантропологическая коллекция, которой располагают монгольские ученые, насчитывает около 250 черепов, относящихся к различным историческим периодам, начиная от эпохи неолита до современности. В эпохи неолита, бронзы и раннего железа в западных областях Монголии обитали племена европеоидного типа, а в центральных и восточных — племена монголоидного типа североазиатской расы. С конца эпохи неолита и начала бронзового века уже происходило интенсивное смешение европеоидного и монголоидного населения. На основании имеющихся материалов можно говорить о том, что к началу нашей эры в антропологическом типе населения Западной Монголии преобладали монголоидные черты. В хуннское время (III в. до н. э. — I в. н. э.) на всей территории страны складывался единый хуннский антропологический тип, представлявший один из вариантов центральноазиатского типа североазиатской расы. По мнению докладчицы, формирование антропологического типа, характерного для современного населения МНР, в основном завершилось в начале I тыс. н. э.

В докладе Д. Д. Нимаева (Улан-Удэ, Ин-т общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР) «Основные этапы формирования бурятской народности» были изложены существующие теории происхождения бурят. Сам докладчик считает, что процесс сложения этого народа завершился в XIX в.³

Б. Р. Зориктуев (Улан-Удэ, Ин-т общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР) посвятил свое выступление бурятско-монгольским этническим связям. Основываясь на историко-этнографических данных, он убедительно показал монгольское происхождение бурятского селенгинского рода хухид. Прежде в литературе это бурятское родовое название предположительно связывалось с названием кукушки — хухи. Докладчик же предлагает вести этноним хухид от топонима Хан-хухий. Из местности с этим названием в конце XVII в. под влиянием междоусобных феодальных войн часть населения переселилась в Забайкалье, составив этнографическую группу бурят.

В трех выступлениях были рассмотрены вопросы семейно-брачных отношений, терминология родства. В докладе Г. Цэрэнханд (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР) «Современная монгольская семья» трансформация монгольской семьи связывалась с победой народной революции и основными этапами некапиталистического пути развития и социалистического строительства в стране. Это было не спокойное перерастание патриархальной семьи в новую семью социалистического типа. Особенно резкие изменения в семейных отношениях происходили в период коллективизации и ликвидации эксплуататорских классов. Принципиально важным было изменение экономической основы семьи. Докладчица ярко, на конкретном материале охарактеризовала современный этап семейно-брачных отношений у разных этнических групп страны.

К. Д. Басаева (Улан-Удэ, Ин-т общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР) рассказала о формах бытования современной семьи у бурят Хэнтэйского аймака. Ее сообщение было построено на материалах, собранных в августе 1983 г. в сомонах Батширэт, Биндер и Дадал. На основании анализа этих данных выявлено преобладание двухпоколенной отдельной малой семьи, состоящей из родителей и их неженатых детей. Значительный интерес представляют немногочисленные неразделенные большие семьи. Докладчица рассказала о родительской семье, состоящей из де-

³ Основные положения доклада изложены в следующих его работах: Нимаев Д. Д. К проблеме этногенеза бурят. — Сов. этнография, 1979, № 4, с. 80—89; *его же*. Проблемы этногенеза бурят: Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. ист. наук. М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1981.

вяти детей (двое сыновей уже женаты). У старшего сына шестеро детей, у второго — двое. Все три семьи, оформленные официально как отдельные малые семьи, фактически живут вместе, ведут общее хозяйство, имеют общий бюджет и т. д. Такой тип, по мнению К. Д. Басаевой, никоим образом не может считаться архаическим. По культуре и быту описанная семья полностью адаптировалась к местным условиям и в этом плане ничем не отличается от других соседних малых семей.

В сообщении С. Цолмон (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР) рассматривались некоторые монгольские термины родства, имеющие корень «жи», например житгэр, жиченцэр, которые, по мнению докладчика, восходят к единому корню и выражают значение «два». Первоначально это было числительное, превратившееся в термин родства.

В нескольких докладах и сообщениях анализировалась материальная культура монголов и их традиционные и современные занятия. В докладе Г. Батнасана (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР) были охарактеризованы преимущественно этнографические аспекты организации труда животноводов СХО. Как известно, в соответствии с традицией формой организации коллективного труда была избрана сурь. И хотя внешне по своей структуре сурь напоминает хотон времен единоличных аратских хозяйств, она принципиально отличается от него, так как является единым коллективом животноводов, размещающимся в определенном месте и совместно использующем пастбища на определенной территории. Размер сюри зависит от обеспеченности пастбищами, водой, рабочей силой. В ней содержится скот не только одного вида, но и одной породы, с одинаковой продуктивностью и одного товарного направления. На конкретных примерах докладчик охарактеризовал методы ухода за скотом в сюри, основанные на рациональном разделении коллективного труда.

С докладом «Некоторые традиционные приемы земледелия у западных халхасцев» выступил С. Ичинноров (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР). В Западной Монголии, на территории современных сомонов Бэбир, Халиун и Шарга Гоби-Алтайского аймака издавна существовал один из очагов оазисного земледелия поливного характера. Для удобрения обрабатываемых участков на них пасли и оставляли на ночь скот; особенно тщательно старались удобрить более возвышенную часть поля. Вспашку проводили весной деревянным плугом с металлическим наконечником. Для боронования использовали ветки кустарника караган (верблюжья колючка) или специальную доску, на которую становился человек (*илуурдэх*). С помощью оросительных каналов посадки несколько раз поливались. Урожай убирали серпами, а для обмолота зерна использовали коров и лошадей, которых гоняли по току. Семенное зерно хранили особенно тщательно в мешке из козьей шкуры в глубокой яме, специально вырытой на возвышенном месте. Каждая семья зарывала свое зерно отдельно, но для охраны его объединялось несколько семей. Докладчик коснулся и земледельческой обрядности западных халхасцев. В частности, прежде на вершине почитаемой горы ставили столб с изображением солнца, луны и колосьев и просили хозяев гор послать обильный урожай.

На основе сведений из средневековых монгольских уложений XIV—XVIII вв. Т. Мунхцэцэг (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР) охарактеризовала традиционные формы охраны окружающей среды у монголов-скотоводов, закрепленные законодательно.

Т. Дисан (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР) рассказал об основных инструментах, которыми пользовались монгольские мастера серебряных дел. В народе бытовало мнение, что ювелиры, как и вообще кузнецы, становились настоящими мастерами только тогда, когда сами изготавливали свои орудия. Для закалки раскаленные инструменты последовательно опускали в соляной раствор, холодную воду и в масло, закапывали в навоз и т. д. Докладчик классифицировал инструменты по их назначению: резацы, применявшиеся в разных случаях, тиски, формы для литья, наковальни, измерительные инструменты, а также инструменты для проделывания отверстий, обрезания, строгания, точения, полировки, штамповки и т. д. Различия в орудиях и приемах обработки зависели также от локальных и этнических традиций.

Доклад А. Е. Пахутова (Москва, Ин-т этнографии АН СССР) был посвящен пище монголоязычных народов в начале XX в. Основываясь на монгольских (МНР), а также калмыцких и бурятских (СССР) материалах, докладчик показал зависимость пищи как элемента бытовой народной культуры от конкретных условий экологической среды, уровня социально-экономического развития этносов и их групп, специфики их хозяйственно-культурной дифференциации.

Значительное место в работе симпозиума заняли доклады и сообщения, посвященные духовной культуре монголов.

Н. Л. Жуковская (Москва, Ин-т этнографии АН СССР) в докладе «Проблемы изучения народной культуры монголов» подняла ряд нерешенных вопросов. В их числе, по ее мнению, структура традиционного мировоззрения и мировосприятия общества монгольских кочевников. Важно сконцентрировать внимание на анализе тех основных категорий или параметров народной культуры, которые хотя и универсальны для человечества в целом, но имеют определенную специфику у отдельных этнических общностей, групп генетически родственных народов или этносов, проживающих в экологически сходных условиях. С этой точки зрения представляет интерес изучение бинарных оппозиций (мужской — женский, правый — левый, жизнь — смерть, старший — младший, свой — чужой, подарок — отдарок и т. д.), образующих основу модели любой культуры, в том числе и монгольской, и проследить в них специфику кочевого мира. К числу важных проблем мировоззренческого комплекса, которые изучались в последние годы этнографическим отрядом комплексной Советско-монгольской исто-

рико-культурной экспедиции, относятся представления о пространстве и времени, соотношении праздников и будней, этнокультурные стандарты общения, т. е. прежде всего этикет и т. д. В этом отношении уже многое сделано монголоведами разных стран, но предстоит дополнить, уточнить ранее собранные сведения и привести их в систему.

А. Очир (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР), опираясь на названия месяцев, проанализировал календарные знания и связанные с календарем обряды у древних монголов. Общеизвестно, что первый месяц весны у монголов называется *цагаан сар* — белый месяц. Это название докладчик связывает с почитанием белого цвета скотоводами-кочевниками Центральной Азии. Сяньбийцы, кидане и монголы в особо важных случаях приносили духам и богам в жертвы животных именно белой масти. Древние монголы совершали жертвоприношения духам-покровителям скота молочными продуктами (*цагаан идээ* — белая пища) осенью, когда праздновался *хуби* — новый год. В XIII в. монголы стали отмечать новый год в первый весенний месяц, получивший тогда название *цагаан* — белый. Теперь, отметил докладчик, у разных групп монголов первый месяц весны (новый год) имеет два названия: перенесенное старое — *хуби сар* и новое — *цагаан сар*. Доклад сопровождался демонстрацией таблицы названий месяцев у разных монгольских народов. Порядок расположения и названия большинства месяцев почти всегда совпадают. По мнению докладчика, наименования месяцев у монгольских народов возникли еще в глубокой древности и связаны с хозяйственно-трудовой деятельностью; основаны они на добуддийских и даже нередко дошаманских представлениях о мире. Отсюда же различного рода обряды, посвященные природным явлениям, небесным светилам, циклическим явлениям, связанным с жизнью местных фауны и флоры в данное время года. Древние приметы и поверья длительное время отражаются в названиях месяцев, как в силу особенностей и своеобразия ведения хозяйства монголами, так и потому, что с глубокой древности этот народ обитал практически в одном культурно-географическом регионе.

Широкий круг вопросов был затронут в докладе Г. Мэнэса (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР) «О семантике теонима Ульген». Этот теоним докладчик связывает с почитанием горы, которое в свою очередь является одной из конкретных форм почитания земли. Большинство разновременных поминально-ритуальных и погребальных памятников Монголии расположено, как правило, в непосредственной близости от гор, на которых имеются многочисленные наскальные рисунки. Очевидно, горы с писаницами служили полифункциональными культовыми центрами, где совершались жертвоприношения своей родовой горе, а это в архаическом понимании равнозначно почитанию своей родовой земли. Содержание мифологических представлений, связанных с теонимом Ульген, является общим для монголо- и тюркоязычных народов. В конечном итоге это сложный универсальный традиционный комплекс представлений о матери-земле как прародительнице и покровительнице. Рассмотрев генезис этих представлений, докладчик пришел к выводу, что они восходят к эпохе верхнего палеолита. Длительность их сохранения, с его точки зрения, объясняется существованием общинной собственности на землю.

Доклад Ц. Аюуша (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР) был посвящен культу плодородия скота у монгольских скотоводов, уходящему корнями в глубокую древность. Естественно, что древние кочевники-скотоводы придавали большое значение магико-символическим действиям, направленным на умножение плодородности всех видов скота. Интересно, что обряды, связанные с плодородием скота, обычно приурочивались к традиционному празднику нового года (*цагаан сар*), который по воззрениям монголов символизировал также наступление нового цикла жизни, возрождение природы. Во время новогогоднего поклонения *обо*⁴ на восточной стороне — стороне восхода солнца — втыкали палочку с привязанными на ней хадаком и волосами или шерстью производителей всех видов скота. Широко было распространено почитание мужских и женских детородных органов скота. Докладчик привел интересные материалы, свидетельствующие о связи культа производителей скота с культом огня и солнца, который также составлял важную часть более широкого культа плодородия.

В сообщении Д. Нансалмы (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР) была проанализирована связь монгольских народных песен и обрядов.

Доклад Б. Доржа (Улан-Батор, Ин-т истории АН МНР) был посвящен традиционным монгольским системам измерения длины, объема и веса. Все эти единицы измерения докладчик свел в таблицы и предложил их классификацию. Особенность монгольского принципа измерения, например, длины заключается в том, что в основу выделения единицы измерения кладутся характеристики того или иного животного. Так, глубину воды, толщину снежного покрова измеряют по традиции, соотнося их с длиной ноги или высотой скота (говорят, снег выпал не выше копыта). Единицами измерения расстояния становились время прохождения, преимущественно конем, определенного расстояния или пределы видимости человеческого глаза. Таким образом, меры измерения определялись многовековой народной практикой и удовлетворяли каждодневные жизненные потребности людей.

Источниковедческий характер носил доклад Ж. Баясха (Улан-Батор, Монгольский гос. ун-т), рассказавшего о работе Лувсанчойдона по обычаям монголов. Лувсанчойдон (1878 г. р.), уроженец южного крыла Харчинского хошуна, овладел традиционной монгольской ученостью, получил звание переводчика с четырех языков (монгольского, тибетского, китайского, маньчжурского), работал в Пекине и в Япо-

⁴ *Обо* (*овоо*) — насыпь из камней на вершине горы, на перевале, в степи, представляющая собой один из видов примитивного жертвенника и одновременно жертвы. Насыпь постоянно увеличивается за счет камней, приносимых верующими.

нии. Когда ему было 40 лет, он написал книгу, по широте и глубине охвата материала представляющую своего рода энциклопедию о жизни монголов. Докладчик охарактеризовал основные разделы этой книги, подчеркнув уникальность содержащихся в ней сведений.

С приветствием к участникам симпозиума обратился второй секретарь Посольства СССР в МНР В. В. Грайворонский.

Итоги работы симпозиума были подведены в выступлении А. М. Решетова. Подчеркнув, что первый опыт совместной советско-монгольской работы в области этнографии оказался успешным, он, в частности, выразил надежду, что в дальнейшем наряду с этнографами, археологами, антропологами, востоковедами в совместные исследования включатся языковеды, фольклористы, литературоведы, искусствоведы, социологи, историки, экономисты и т. д. Необходимо участие специалистов различного профиля в разработке таких общих тем, как этническая история монголов, современные этнокультурные процессы в МНР. А. М. Решетов выразил также уверенность, что совместные советско-монгольские симпозиумы будут проводиться и впредь.

В заседаниях симпозиума также приняли участие инструктор Отдела науки ЦК МНРП тов. Сэджав, представители руководства комплексной Советско-монгольской историко-культурной экспедиции В. В. Волков и Сэр-оджав, ведущие ученые институтов АН МНР и Монгольского государственного университета, журналисты.

К симпозиуму были подготовлены фотовыставка, рассказывающая о работе этнографического отряда в течение полевого сезона 1983 г., и специальная небольшая экспозиция этнографических предметов, собранных членами экспедиции.

Работа симпозиума широко освещалась в монгольской прессе и по телевидению, получила высокую оценку научной общественности⁵.

Принято решение продолжить практику организации подобных симпозиумов в дальнейшем в Улан-Баторе и Ленинграде.

С. Бадамхатан, А. М. Решетов

⁵ См., напр.: Симпозиум этнографов.—Новости Монголии, 6 сентября 1983 г.; Симпозиум этнографов.—журн. Монголия, 1983, № 11, с. 18.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ САМОДИЙСКИХ НАРОДОВ»

Изучение этногенеза и этнической истории требует интерпретации данных различных наук. Наряду с этнографией, историей, археологией важное значение для исследования этих проблем имеют также фольклорные и топонимические источники, материалы антропологии, генетики, социодемографии.

В связи с заметной активизацией исследований в области этногенеза и этнической истории в последние годы стала остро ощущаться необходимость организации конференций по проблемам формирования и этнического развития отдельных этнолингвистических общностей и народов с привлечением для их обсуждения специалистов по различным научным дисциплинам. Первую всесоюзную конференцию такого рода по проблемам этногенеза и этнической истории тюркоязычных народов Сибири организовал в 1979 г. Омский государственный университет¹.

И вот снова Омск выступил инициатором организации Всесоюзной конференции — на этот раз по проблемам этногенеза и этнической истории самодийских народов. Она состоялась 31 марта — 2 апреля 1983 г. В работе конференции приняли участие ученые разных специальностей из многих городов нашей страны — Москвы, Ленинграда, Омска, Томска, Кемерово, Казани, Абакана, Тобольска и др.

Организатор — Омский государственный университет провел большую предварительную работу и к началу конференции опубликовал изложение 45 докладов². Помощь в организации конференции оказывал Сектор этнографии народов Севера Института этнографии АН СССР.

Конференцию открыл профессор Омского университета В. И. Матюшенко.

На шести заседаниях конференции было заслушано и обсуждено 35 докладов по этнографии, археологии, антропологии, лингвистике и медицине. Большинство докладов было выполнено на высоком научном уровне и содержало теоретические обобщения и фактический материал, позволяющий существенно продвинуться в решении проблем формирования и этнического развития самодийских народов. Доклады вызвали обмен мнениями представителей разных научных направлений. В ходе дискуссии, которой было отведено два заседания, выступило около 20 человек.

¹ См. Васильев В. И., Томилов Н. А. Конференция «Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий». — «Сов. этнография», 1980, № 4.

² Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Тезисы докладов по археологии. Омск: Изд-во Омского ун-та, 1983; То же. Тезисы докладов по лингвистике; То же. Тезисы докладов по этнографии.